

—

Видя, как Сяо Шань увлечён идеей отправиться в Цзяннань вместе, Се Чжуй согласился.

Услышав его ответ, брови Сяо Шаня изогнулись. Он улыбался, его звёздные глаза сияли, словно небожитель сошёл на землю.

Се Чжуй смотрел на него, впервые потеряв дар речи и забыв, что хотел сказать.

Доклад Ван Синя с обвинением Лю Цзинсюаня быстро распространился по всему двору и гарему. Независимо от того, совершил ли Лю Цзинсюань эти ужасные поступки, некоторые люди начали раздувать это дело.

Первой реакцией императрицы, услышавшей новость, было беспокойство за Лю Цзинъи, опасаясь, что её тело не выдержит такого известия. Она немедленно отправила людей к Сяо Цзиню, желая предупредить его, чтобы ни в коем случае не позволял сплетням дойти до ушей Лю Цзинъи.

Императрица была очень встревожена. С одной стороны, она проклинала Ван Синя за то, что он подал доклад во дворец именно в такой момент.

С другой стороны, она беспокоилась, что Лю Цзинсюань действительно совершил такое чудовищное преступление. Если это так, то Лю Цзинсюань на этот раз полностью подвёл семью Лю.

Императрица была нетерпелива и беспокойна. Неожиданно она дождалась не только Сяо Цзиня, но и Лю Цзинъи.

Увидев Лю Цзинъи, императрица не смогла произнести слова застрявшие в горле, она с трудом улыбнулась и сказала Лю Цзинъи: «Ты в положении, и сейчас не следует много двигаться».

Лю Цзинъи посмотрела на императрицу, затем вдруг опустилась на колени и торжественно сказала: «Ваша дочь благодарит матушку за заботу».

Императрица моргнула, Сяо Цзинь сказал: «Матушка-императрица, Цзинъи всё знает о деле семьи Лю».

Императрица испугалась, а затем рассердилась: «Всё знает? Кто сплетничал перед Тайцзы Фэй?» Сказав это, она поспешно подняла Лю Цзинъи и ласково спросила: «Не испугалась ли ты, услышав это?»

Лю Цзиньши покачала головой: «С Его Высочеством рядом, я не испугалась».

Эти слова звучали странно, подумала императрица.

Затем до её ушей донёлся голос Сяо Цзиня, он медленно сказал: «Матушка-императрица, об этом я сам лично сказал Цзиньши. Я боялся, что её эмоции будут слишком сильными, поэтому специально пригласил лекаря Су».

Императрица как раз уговаривала Лю Цзиньши, и, услышав это, она резко повернулась к Сяо Цзиню. Она совершенно не ожидала, что этим «длинным языком» окажется он, и ей показалось, что он сошёл с ума. Такое непристойное дело всегда было прерогативой Сяо Шаня, как же Сяо Цзиньши теперь стал так поступать?

Неужели люди, долго общаясь друг с другом, перенимают черты характера?

Сяо Цзиньши изначально считал, что поступил правильно, но теперь, когда императрица так на него смотрела, он вдруг почувствовал себя немного виноватым.

Императрица хотела сдержаться, но в конце концов не смогла. Она посмотрела на Сяо Цзиня и сказала: «Мог ли ты сказать ей это сейчас? Что если бы она не выдержала? Ты подумал о последствиях?»

Сяо Цзиньши тихо сказал: «Поэтому ваш сын вначале позвал императорского лекаря...»

Императрица хотела что-то ещё сказать, но Лю Цзиньши двинулась. Она подошла к императрице и тихо сказала: «Матушка-императрица, Его Высочество тоже действовал ради моего блага». Хотя она так говорила, но редко видела, как императрица отчитывает Сяо Цзиня, и Лю Цзиньши вдруг захотела посмотреть ещё немного, поэтому, изменив свои мысли, она стала объяснять очень медленно.

Пока она медленно рассказывала о беспокойстве Сяо Цзиня, выражение лица императрицы постоянно менялось.

Через долгое время она вздохнула: «Твои опасения тоже верны, но это было слишком опрометчиво. Ты наследный принц, и в будущем ни в коем случае не поступай так в других делах».

Сяо Цзиньши поспешно сказал: «Да, матушка-императрица». Неизвестно, было ли это его заблуждением, но сегодня Лю Цзиньши говорила, казалось, особенно медленно, и время от времени тяжело дышала, выглядя очень уставшей.

Лю Цзиньши тихо стояла рядом, её выражение лица было крайне невинным.

—

Императорский указ вскоре был издан, отправив Сяо Шаня в Лянчжоу для расследования правдивости слов Ван Синя.

Вместе с ним был отправлен также Цзун Цин, чиновник Министерства наказаний, заместитель начальника Далисы.

Этот Цзун Цин, которому около тридцати лет, очень прямолинеен и верен только императору. Он никогда не проявлял предвзятости в расследованиях и не боялся обидеть влиятельных людей, поэтому пользовался большим доверием императора.

Все знали, что Цзун Цин был острым клинком в руках императора.

После распространения новости у всех возникли некоторые мысли.

Император отправил Сяо Шаня, и они сначала подумали, что император благоволит Лю Цзинсюаню. Смысл отправки Сяо Шаня был в том, чтобы, независимо от того, что Лю Цзинсюань совершил, сохранить его лицо.

Но император также отправил Цзун Цина вместе с ним. Что это за представление?

—

<http://bllate.org/book/14491/1282520>